

На правах рукописи

Исаханян Алена Эдвартовна

СТАРОПЕЧАТНЫЙ СОБОРНИК 1647 ГОДА КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ЦЕЛОЕ

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2020

Работа выполнена в Отделе древнеславянских литератур ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90058 («Аспиранты»).

Научный руководитель:

Люстров Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, профессор ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

Официальные оппоненты:

Трофимова Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Кузнецова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры русского устного народного творчества ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького»

Защита состоится «___» _____ 2020 года в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.209.02 при ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН: www.imli.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2020 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Быстрова Ольга Васильевна

Общая характеристика работы

В 40-х годах XVII века Московский Печатный двор, прежде занятый обеспечением полного набора богослужебных книг, начинает издавать четьи сборники. В 1647 году, во время патриаршества Иосифа и правления царя Алексея Михайловича, тиражом в 1200 экземпляров вышел «Сборник из 71 слова»¹, называемый также «Сборник большой» или просто «Сборник»². Это собрание сочинений Отцов церкви, приуроченных к дням и неделям триодного цикла от Недели мытаря и фарисея и до Недели всех святых. Произведения эти – нравственно-учительного, полемического и панегирического характера – большей частью являются переводными (исключение составляют пять произведений Кирилла Туровского и одно – Григория Цамблака). Эти сочинения – часть обширного гомилетического фонда, бытовавшего в древнерусской литературе. Главным образом он функционировал в сборниках триодного типа, появившихся уже в XI веке и получивших жанровое оформление в XIV–XV веках. Речь идет о таких типах сборников, как Торжественник, Златоуст и Рай. Следуя в той или иной степени литературной традиции названных типов рукописных сборников, Сборник все же не поддается отождествлению с ними. Специальных исследований ему посвящено не было. Непосредственно в том, что нами было проведено первое всестороннее исследование этого памятника, а также в оригинальности научного подхода состоит **научная новизна** исследования.

Среди специалистов не угасает, а в последние годы даже возрастает интерес к древнерусским сборникам как особому жанровому образованию, способному многое сказать о составляющих их произведениях, с одной стороны, и об особенностях древнерусского литературного процесса – с другой. Нами выбран триодный тип сборников, к которым специалисты обращаются нечасто – прежде всего потому, что их составляют по большей части переводные произведения. Однако их литературная традиция, восходящая к XII веку, и в конце концов оформившаяся в печатном Сборнике 1647 года – первом печатном триодном сборнике – отражает ряд специфических особенностей древнерусской книжности. Сложные, многослойные отношения формы и содержания сборника как такового требуют системного подхода, потребность в котором давно озвучена специалистами, разработка которого ведется на разных материалах. **Актуальность** исследования заключается в том, чтобы продолжить и развить эту методологическую тенденцию.

¹ *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. № 200.

² Далее – Сборник.

Сборник определяется Д.С. Лихачевым как «жанр-сюзерен»³, то есть жанр, объединяющий другие произведения («первичные жанры»). Исследователь отмечал тесную связь между формой сборника и его содержанием, взаимовлияние сборника, как особого единства, и включенных в него произведений. Древнерусскими сборниками занимались В.П. Адрианова-Перетц, О.В. Творогов, Р.П. Дмитриева, Т.В. Черторицкая и многие другие. Е.И. Дергачева-Скоп предлагает рассматривать древнерусский четый сборник как «своеобразный "микромир", благодаря которому произведение, входящее в сборник, получает необходимые черты (характеристики) для включения его в литературный "макромир" эпохи. "Макромир" наиболее устойчив к изменениям, и тенденции развития литературы можно уловить, прежде всего, в более чутком к новому, в более подвижном "микромире"»⁴. Это справедливо не только в отношении рукописных памятников, но и старопечатных изданий⁵.

Объектом исследования является Сборник как литературный памятник. **Предметом** исследования являются связи между формой и содержанием сборника. **Основная идея** работы заключается в том, что наблюдения над различными культурно-историческими, литературными и даже экстралитературными факторами и элементами памятника способны составить целостное понятие о его художественной природе.

Источниковой базой исследования послужили материалы рукописных и старопечатных собраний РНБ, РГБ, ГИМ, ГПНТБ СО РАН.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении литературных особенностей старопечатного Сборника 1647 года как своеобразного эталона древнерусского триодного сборника, литературная традиция которых восходит к XII–XIII векам.

Для достижения названной цели были поставлены следующие **задачи**:

- провести источниковедческий анализ Сборника;
- сопоставить старопечатный сборник с типологически близкими рукописными сборниками и выявить его место и роль в многовековой литературной традиции триодных сборников;
- исследовать такие элементы рассматриваемой книги, как послесловие и не вошедший в конечную редакцию, однако сохранившийся в рукописи цикл виршевых произведений;

³ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 59.

⁴ Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература: к проблеме типологии чтения // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 10.

⁵ Это было доказано в работе А. В. Вознесенского на примере простой псалтыри: *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной Псалтыри. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтырь. М., СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 680 с.

– определить художественное своеобразие и культурно-историческое значение Сборника.

Исследование основано на комплексном подходе, использующем текстологический, сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический **методы. Теоретической и методологической основой** послужили труды Ю.Н. Тынянова, А.М. Панченко, А.С. Демина, А.В. Вознесенского, Б.А. Успенского, Т.В. Черторицкой и др.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сборник является своеобразной вершиной литературной традиции триодных сборников, так как при работе над его подготовкой к печати справщикам удалось на основе древнейшего литературного материала создать книгу, отвечающую не только духовным потребностям, но и читательским интересам современников.

2. Структура и содержание сборника задумывались как совершенные, а потому застывшие (в пользу этого говорит дальнейшая его судьба). Он является своеобразным эталоном триодного сборника, при этом, однако, отражая и тенденцию к демократизации литературы.

3. Сборник является сложно организованным литературным единством, что красноречиво доказывает ряд структурных, содержательных, литературных и экстралитературных факторов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно делает видимым и выявляет литературную ценность старопечатного сборника, прежде упоминавшегося специалистами иной раз лишь в библиографическом ключе. Опубликован текст послесловия к сборнику. **Теоретическая значимость** исследования состоит в разработке методологического аппарата, который можно применять для изучения как рукописных, так и печатных сборников, а также во введении в научный оборот весомой единицы. Исследования древнерусских сборников являются одним из наиболее перспективных направлений медиевистики.

Результаты работы были **апробированы** на Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (НГУ, г. Новосибирск) в 2013, 2014, 2016 годах, на Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (СФУ, г. Красноярск, 29–30 апреля 2015), на IV научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбургская духовная семинария и Институт гуманитарных наук и искусств УрФУ, г. Екатеринбург, 5–6 февраля 2016), на XIII и XVI Международной летней школе по русской литературе (г. Санкт-Петербург, 2016, 2019), на международной конференции «Древнеславянская литература и книжность:

новейшие исследования и научные проекты» (ИМЛИ РАН, г. Москва, 2019, 2020), на 8 Ежегодной научной конференции аспирантов и молодых ученых «Приключения и путешествия в литературе. К 300-летию романа Даниэля Дэфо «Робинзон Крузо»» (ИМЛИ РАН, г. Москва, 13–14 июня 2019).

Работа состоит из Введения, 3 глав, Заключения, Приложения и библиографии, состоящей из 92 наименований.

Основное содержание работы

Во **введении** определены объект, предмет, цель и задачи исследования, обоснованы новизна и актуальность темы, представлены историография вопроса, научная и методологическая основа работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1 «История и проблемы изучения вопроса»** рассматривается круг вопросов, связанных с изучением старопечатного сборника. Раздел **1.1. «Вопрос терминологии и классификации»** посвящен обзору теоретических разработок в области исследования древнерусских сборников и выделению важнейших их типологических признаков. Сборникам, как преобладающей форме древнерусской книжности, присуще типологическое многообразие, кажущееся трудно поддающимся обзору, однако демонстрирующее признаки системности. Формирующиеся на всем протяжении развития древнерусской книжности типы четых сборников являются взаимодополняющими и вместе образуют определенный круг жанровых форм, в свою очередь, функционирующих во взаимодействии с другими, более мелкими формами.

Применяющаяся к рассматриваемой области древнерусской книжности терминология в исследовательской литературе не единообразна. Исследователями нередко варьируется объем терминов «четья литература», «четьи сборники». Как правило, под термином «четья литература» подразумеваются паралитургические, то есть не связанные напрямую с богослужением, уставные чтения. Подобного взгляда придерживается И.М. Грицевская, разграничивая литургические, уставные и келейные чтения, однако она признает проницаемость границы между терминами. Уставные чтения часто использовались для индивидуального чтения, причем не только монахами⁶. Р.П. Дмитриева трактует понятие «четых» книг следующим образом: «под четыми сборниками мы понимаем те рукописи, которые предназначались для чтения на досуге. Именно в составе этих сборников преимущественно сохранились литературные произведения»⁷.

О.В. Творогов и Т.В. Черторицкая противопоставляют «четьи» книги «служебным», что нашло отражение в статье «Четьи сборники Древней Руси»⁸. В ней четыми названы сборники произведений, предписанных церковным уставом как для коллективного, так и для индивидуального чтения. Критерием терминологического разграничения служебных и

⁶ Грицевская И.М. Чтение и четьи сборники в русских монастырях XV-XVII вв. СПб: Дмитрий Буланин, 2012. С.169.

⁷ Дмитриева Р.П. Четьи сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 151.

⁸ Четьи сборники Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 236-273.

четьих сборников является их функция – практическое назначение и роль, которую они играют в жизни читателя или читательского коллектива.

Многочисленность и разнообразие известных науке четьих сборников делает необходимым поиск классификационного аппарата, который мог бы послужить универсальным механизмом группировки и характеристики тех или иных сборников. Некоторая расплывчатость термина «четий сборник» этот поиск несколько затрудняет, однако рядом исследователей были предприняты попытки в этом направлении. Самая развернутая классификация представлена Т.В. Черторицкой⁹. Первой ступенью в ее классификации сборников является функциональный признак. Разделяя сборники служебные и четьи, дальнейшую детализацию признаков четьих сборников исследовательница основывает на их отношении к библейским книгам. К первой группе библейских четьих сборников относятся книги и сочинения непосредственно канонические (Пятикнижие, Евангелие-тетр, Псалтирь, Апостол и др.), ветхо- и новозаветные апокрифические (Палея, апокрифические Евангелия), толкования (толковые Псалтири, толкования Отцов церкви). Ко второй группе небиблейских четьих книг относятся тексты, не связанные непосредственно с Библией, хотя к ним могут относиться и библейские толкования и апокрифы. Далее, небиблейские четьи книги классифицируются согласно представленной в них идеологической модели. Первую группу составляют сборники уставных чтений, «душеполезного чтения» – преимущественно богословско-мифологической, духовной направленности. Вторую группу составляют сборники преимущественно конкретно-повествовательной, учебной и исторической направленности, которые, в свою очередь, дробятся по тематическому критерию (исторические, юридические, естественно-научные и др.). Необходимо помнить о том, что древнерусская книжность представляла собой живую сложно организованную систему, элементы которой находились в тесном взаимодействии. В центре ее находились тексты Священного Писания, на них была основана образованность книжников. Библейские книги «...являлись главными содержательными и стилистическими моделями для христианского писателя»¹⁰.

Задействованные в диссертационном исследовании рукописные сборники и печатный Соборник 1647 г. объединены общими признаками и занимают в этой классификации близкие места. Все эти сборники относятся к триодному календарному типу, содержат гомилии ряда авторов¹¹. Для таких сборников, как Торжественник и

⁹ Черторицкая Т.В. Предварительный каталог. С.38–53.

¹⁰ Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVIII вв. München, 1991. С. 217.

¹¹ Этот признак можно условно отнести и к сборнику Златоуст, в списках которого часто встречаются ложнонадписанные сочинения.

Златоуст, исследователями было выявлено литературное ядро – набор текстов, переходящий из сборника в сборник, и позволяющий отличить разные их редакции вне зависимости от литературного окружения этих текстов, которое могло меняться. Таким образом, их состав можно охарактеризовать как относительно устойчивый. В печатном Соборнике мы видим в чем-то оригинальную конфигурацию сочинений, которая не встречается в предшествующей рукописной традиции триодных сборников. Наконец, функциональное предназначение рассмотренных сборников идентично: это собрания сочинений как для коллективного, так и для индивидуального «душеполезного» чтения, о чем говорит их присутствие как в частных, так и монастырских книжных собраниях.

В разделе **1.2. «Исследования четьих сборников»** предпринят обзор исследовательских трудов, так или иначе посвященных древнерусским сборникам. Необходимость их изучения была отмечена уже в XIX веке, когда большая часть памятников была введена в научный оборот, а наиболее значимые и древние из них были исследованы¹². Изучение четьих сборников затрагивает многие аспекты не только литературоведения, но и многочисленных смежных дисциплин – книговедения, источниковедения и проч. Неоценимый вклад в науку, в том числе в изучение сборников, занимающих центральное место в древнерусской письменности, составляют описания книжного наследия древнерусского периода. Объем известного научному сообществу книжного наследия древнерусской литературы постоянно растет, что дает специалистам возможность рассматривать отдельные явления древнерусской книжности в более широком контексте. Сегодня специалисты располагают научными описаниями ряда книжных собраний, частных¹³ и библиотечных¹⁴, описаниями собраний монастырских библиотек¹⁵. Изучение последних особенно продуктивно, поскольку имеет большое вспомогательное значение для изучения центров книжности. В монастырях создавались рукописи, из монастырей выходили переписчики и, впоследствии, многие работники Печатного двора; в них же, с другой стороны, была сконцентрирована большая часть читательской аудитории. Изучение книжной деятельности монастырей имеет прямое отношение к исследованию рукописного наследия древнерусской литературы. В основном

¹² Яковлев В.А. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893. 301 с.; Орлов А.С. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905; и др.

¹³ См., напр.: Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог, Вып. 1. Л., 1988; Вып. 2. СПб., 1992; Дергачева-Скоп Е.И. Рукописные и печатные книги кириллической традиции XVI – XX веков из собрания А.Г. Елфимова. Новосибирск: Сова, 2006.

¹⁴ См, напр.: Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР: Сб. науч. тр. / Под ред. С. П. Луппова, А. А. Моисеевой; Редкол.: А. И. Копанев и др.; Предисл. С. П. Луппова. Л.: БАН СССР, 1976. 159 с.

¹⁵ О книжных собраниях и книжниках см. серию изданий Института русской литературы (Пушкинский дом): «Книжные центры Древней Руси». СПб., 1991-2014; ряд публикаций в ТОДРЛ: описание Кирилло-Белозерского собрания. ТОДРЛ. Л.: 1980. Т. 35; и др.

именно в рукописях, извлеченных из монастырских библиотек, нами велись поиски протографов текстов, составляющих Соборник.

В XX веке по мере накопления материала возникла необходимость в систематизации данных об источниках и об имеющихся исследованиях. На новый уровень изучение сборников вывели каталоги, обобщающие информацию о ряде произведений древнерусской книжности. Нами был привлечен к работе каталог, составленный на основе трудов Е.Э. Гранстрем¹⁶, а также фундаментальные работы Т.В. Черторицкой¹⁷ и О.В. Творогова¹⁸. Каталог, изданный Т. В. Черторицкой, имеет для нас особую ценность, поскольку в нем собрана информация именно об уставных календарных чтениях в сборниках триодного типа. Ею также изучались Торжественник и Златоуст, созданы многие труды, посвященные четвым сборникам¹⁹. В некоторых из них содержатся положения, послужившие теоретическими предпосылками нашей работы. Важно упомянуть предложенный исследовательницей термин для обозначения той набирающей популярность отрасли изучения древнерусской книжности, которая занимается особенностями формы и содержания сборников. Мисцелланология²⁰ как особая дисциплина находится на стадии формирования, но при этом «становится одним из ведущих направлений исследований в древнерусской книжности»²¹.

Любопытно иметь в виду и обратную оптику – взгляд на литературные явления со стороны читателя-современника. С середины XX века проблемы чтения и древнерусского читателя активно разрабатывалось в научной литературе. Книга и читатель нерасторжимо связаны, более того, книга часто создается именно читателями, то есть при переписывании или наборе в печать отражает потребности и интересы создающего ее читательского коллектива.

В разделе **1.3. «Соборник в исследовательской литературе»** рассматривается степень изученности печатного сборника в научной литературе. Специально он не изучался. А.С. Орлов называет Соборник вариантом Торжественника; Т.В. Черторицкая отмечает его специфику, но изучение этого сборника остается за рамками ее

¹⁶ Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков: Каталог гомилий / Сост. Е.Э. Гранстрем, О.В. Творогов, А. Валевилюс. СПб., 1998. 210 с.

¹⁷ Черторицкая Т.В. Предварительный каталог церковно-славянских гомилий подвижного календарного цикла по рукописям XI–XVI вв. преимущественно восточнославянского происхождения / Сост. Т. В. Черторицкая. Под ред. Хайнца Микласа. Вестдойчер Ферлаг ГмбХ, Опладен. ФРГ, 1994. 800 с.

¹⁸ Творогов О.В. Древнерусская книжность XI–XIV веков: Каталог памятников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 3–45; Т. 57. СПб., 2006. С. 368–430; Древнерусская книжность XI–XIV вв.: Каталог памятников (окончание) // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59. С. 382–418.

¹⁹ Черторицкая Т.В. О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа)// Источниковедение литературы Древней Руси. Л.: Наука, 1980. С. 96–114; Торжественник – памятник русской литературы конца XIV–XVI вв.: (литератур. история сб.) Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1979. 25 с.

²⁰ Черторицкая Т.В. Предварительный каталог. С. 40.

²¹ Грицевская И.М. Чтение и четвы сборники. С. 30.

исследовательских задач. А.В. Вознесенский и Н.В. Савельева²², в свою очередь, рассмотрели особенности бытования Сборника в старообрядческой среде. Приведенные в их работах сведения о неоднократном переписывании и перепечатывании сборника свидетельствуют о его неугасающей востребованности среди заинтересованных читателей.

Помимо специальных трудов, посвященных конкретным литературным памятникам, в ходе исследования потребовалось обращение к трудам, затрагивающим самые разные аспекты изучения древнерусской книжности. Исследование структурных и содержательных особенностей и поиск рукописных источников Сборника заставляет учитывать ряд исторических и культурных факторов, сопряженных с его историей и литературной традицией. Рассматриваемые нами сборники составляют тексты, широко бытовавшие и прочно установившиеся в древнерусском литературном фонде. Д.С. Лихачевым была отмечена необходимость комплексного изучения текстов, входящих в состав сборников – рассмотрение их в тесной связи с окружением в составе включающих их списков²³.

Итак, характер исследуемого памятника диктует необходимость комплексного обзора научной литературы, имеющей отношение к изучаемому материалу. Для оценки места в Сборнике составляющих его произведений и для оценки места Сборника в системе древнерусской книжности нами были привлечены материалы разной направленности, но так или иначе связанные с исследованиями допетровской книги и, в частности, сборников. В частности, важным аспектом нашей работы является изучение процесса создания кириллических печатных книг. В этом отношении большой ценностью обладают труды, посвященные деятельности и функционированию Московского Печатного двора. В подготовке текста к печати участвовал определенный коллектив специалистов-книжников, справщиков, наборщиков. Сведения, например, об отдельном справщике, в том числе биографического характера, зачастую могут прояснить историю книги. В целом книжная справа была и остается актуальной проблемой изучения древнерусской книги. Она освещена в трудах И. Д. Мансветова, К. Никольского, Д. Александрова, А. А. Покровского²⁴.

²² *Вознесенский А.В.* Цветники и сборники, составленные на основе Сборника // Старообрядческие издания XVIII – нач. XIX в. СПб., 1996. С. 140–148; *Савельева Н.В.* Сборник 1647 года в рукописной и печатной традиции старообрядцев // Старообрядчество: История и современность. Материалы международной научно-практической конференции (СПб., 28–30 октября 2008 г.). СПб., 2009. С. 35–43.

²³ *Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. СПб.: Алетейя, 2001. С. 255.

²⁴ *Мансветов И.Д.* Как у нас правились церковные книги: Материал для истории книжной справа в XVII столетии (по бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883. 63 с.; Александров Д. Исправление книг в XVII столетии. Оренбург, 1911. 106 с.; Покровский А.А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. М., 1913.

В Главе 2. «Литературные источники Соборника 1647 года» предпринят источниковедческий анализ старопечатного сборника. В разделе 2.1. «История формирования четых сборников триодного типа» прослеживается литературная традиция триодных сборников.

Четы сборники вошли в древнерусскую культуру довольно рано, однако среди дошедших до нас памятников первых веков развития книжности их число сравнительно мало. Первоочередной задачей ранней книжности русского средневековья являлось обеспечение необходимого набора богослужебных книг. И все же параллельно с этим процессом переводятся и переписываются сопутствующие собственно богослужебным произведения – толкования и поучения апологетов. Сборники таких произведений, получивших впоследствии столь широкое распространение, рано начали формироваться на русской почве. Трудно недооценить роль сборников уставных чтений: призванные распространить, объяснить, обосновать факты и положения, изложенные в книгах служебных, они являются в то же время памятниками повествовательного искусства и искусства красноречия. Такие сборники являются памятниками «учительной» литературы – литературы, направленной на духовное образование, воспитание праведного христианина. Характерной чертой поэтики произведений религиозно-дидактического характера является непосредственное обращение к слушателю или читателю, настроенность на диалог. Кроме прямых указаний на соблюдение библейских предписаний – молитвы, поста, смирения и проч. – эти сочинения включают в себя богатый художественный материал, призванный убедить читателя, «привлечь... на свою сторону»²⁵. Известны художественные достоинства произведений известных церковных авторов – Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др.

Сборники рассматриваемого нами триодного типа содержали по большей части статьи переводные, сочинения византийских авторов, а позднее дополнялись и произведениями южнославянских и русских писателей. В частности, такие близкие к печатному Соборнику типы сборников, как триодный Торжественник и Златоуст восходят к греческой литературной традиции. Известно, что вместе с переводными сочинениями византийских авторов древнерусская книжность восприняла и способы их организации, а именно – некоторые типы сборников²⁶. На русской почве опыт византийской книжности получил собственное оформление и вызвал к жизни ряд оригинальных явлений. Т. В. Черторицкой была предпринята попытка реконструировать историко-литературный

²⁵ Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 1972. Т. 27. С. 68.

²⁶ Орлов А.С. Сборники Златоуст и Торжественник. С. 17; Адрианова-Перетц В.П. Человек в учительной литературе древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 1972. Т. 27. С. 4-6.

процесс формирования триодного Торжественника и Златоуста. Постепенно дополняясь, к концу XIV в. образуются сборники, освещающие полный круг подвижных церковных праздников – прототипы триодного Торжественника и Златоуста.

Кроме того, названа такая важная черта сборников триодного типа, как подвижность состава²⁷. Эта особенность привела к тому, что по мере накопления литературного материала триодные сборники все более расширяли состав. Книжники располагали все более обширной базой сочинений, приуроченных к определенному дню или неделе триодного цикла и, таким образом, имели возможность разнообразного обращения с накопленным литературным материалом, отчасти превращающую составление книги в своеобразный творческий акт. Возникла необходимость организации литературного материала рассматриваемого типа сборников не только по календарному принципу – книжники получили возможность выбирать сочинения из обширной «базы» согласно своим литературным предпочтениям или желаниям заказчика. В разделе рассмотрены этапы формирования типов сборников, послуживших литературной основой Соборника 1647 г. – Торжественника, Златоуста, Рая.

С возникновением книгопечатания подготовка каждого издания требовала масштабной коллективной работы по выбору «правильных» списков-источников. Четыри книги начинают активно издаваться в 40-х годах XVII века: выходят большими тиражами Пролог (1641), Маргарит (1641), Соборник (1647), Лествица Иоанна Синайского (1647), Паренесис Ефрема Сирина (1647) и др. Четыре сборника, будучи тесно связанными с читательским обществом, чутко реагировали на появляющиеся в нем тенденции. В свою очередь, справщики – образованнейшие люди своего времени и составители печатных сборников – осознавали свою близкую позицию к государственной и церковной власти, требования которых они выполняли.

Соборник получил новую жизнь в старообрядческой среде. Он прочно вошел в рукописную традицию старообрядцев и послужил источником ряда печатных изданий старообрядческих типографий. Точность воспроизведения памятника свидетельствует об авторитетности сборника для поздних издателей и, соответственно, для читателей. На этом основании можно предположить, что, во-первых, на этапе подготовки издания в типографии в качестве источников для компоновки сборника использовались книги с не меньшим авторитетом. Во-вторых, мы должны отметить проницательность книжников, участвовавших в работе над сборником. Такую долгую жизнь Соборника в редакции 1647 года можно объяснить соответствием читательским интересам и потребностям, удобством в применении и, наконец, литературной ценностью сборника.

²⁷ Черторицкая Т.В. О начальных этапах формирования. С. 114.

Раздел 2.2. «О рукописных источниках Соборника 1647 года» основан на текстологическом анализе печатного Соборника и ряда рукописных сборников, которые предположительно могли послужить протографами при подготовке книги к печати. По составу, тематически, а также по своим функциональным, структурным, жанровым характеристикам Соборник близок к триодному Торжественнику, Златоусту, Раю. В качестве характерной особенности последних двух можно назвать наличие особой тематической доминанты. В Златоусте особое внимание составителей направлено на недели и дни подготовки к Великому посту, а также период поста; в нем преобладают статьи нравственно-дидактического содержания. Для Рая характерно тщательное развитие тематики Страстной недели. Кроме того, на Страстной неделе Рай и оканчивается, как в пространной, так и в краткой редакции, таким образом освещая триодный цикл лишь частично. Заметно более близок к Соборнику в структурном и жанровом отношении Триодный Торжественник. Полное отражение триодного цикла и преобладание сочинений торжественных жанров в составе являются его главными характеристиками.

Схожесть состава же названных разновидностей четых сборников обусловлена тем, что их литературной основой являлся обширный гомилетический фонд, функционировавший в древнерусской письменности с XI в. и постоянно расширяющийся. Например, известно, что в разных сборниках триодного типа встречается более 100 сочинений на Пасху, из которых в конкретный сборник попадает лишь малая часть. Большая часть сочинений в составе Соборника были распространены в древнерусской книжности с первых веков ее существования. Однако существует ряд характеристик, которые позволяют считать Соборник особой разновидностью четьего сборника, отличающейся от названных выше. Наследуя форму и частично состав триодного Торжественника, он включает в себя также ряд дидактических гомилий из Златоустов XVI–XVII вв. Принимая во внимание тот факт, что триодный Торжественник и Златоуст являются историческими разновидностями четых книг с разными проповедническими задачами, можно предположить, что при составлении Соборника преследовалась цель их синтеза и создания новой уникальной четьей книги, отвечающей запросам читателей XVII в. В послесловии к Соборнику 1647 г. читаем: «...целомудраго Иосифа собрати д(у)ховную пшеницу, к прекормлению настоящего душевнаго глада, еже есть приложити к преже бывшим книгам художеством друкарства, и иных книг не мало. Г(лаго)лю же пр(е)п(о)д(о)бнаго Ефрема Сирина, и Иоанна писателя Лествицы, и прочих. С ними же и настоящую сию книгу г(лаго)лемую Соборник, юже аз воистину нарицаю рай.» (л. 880). Книжники готовят к печати четий сборник, призванный заменить рукописи, «...не согласующих друга друзеи, ово убо от различных преводящих, ово же и от преписующих,

и от долгого времени не исправлены лежаще <...> яко да будет от всех равное воздаяние хвалы Б(о)гу» (л. 879–879 об.). Так они декларируют цель издания: создать книгу, соответствующую сложившейся литературной традиции «душеполезных» книг, исправив при этом разнородные ошибки, встречающиеся в рукописях. Притом круг читателей предполагается самый широкий.: в Сборнике, «юже аз, – восклицает автор, – воистину нарицаю Рай» (л. 880), читатель найдет и сочинения на различные богословские темы, а «паки же ли хочет кто о нраве и жительстве влазе; но и ту не менее чаяния своего обрящет» (л. 880 об.). Подтверждение «массового» предназначения издания мы находим и в призыве поблагодарить Алексея Михайловича, покровителя издания: «Вы же, о православный словенороссийский народе, с благодарением се от онога приемше: елико кто изобилует дарованием родоязычия, хвалу; елици простотою, благодарение; елици внутреними упражняющесе, молитвы принесите» (л. 881).

«Кавычный» экземпляр Сборника найти не удалось: по всей видимости, он не сохранился. Анализ проводился главным образом на материале двух списков Торжественника (РГБ, собр. МДА, фундам. № 48²⁸, 1497–1499 гг.; РНБ, собр. Солов. мон., № 1051/1160²⁹, к. XV в.). Помимо формальных признаков названные выше рукописи привлекают внимание некоторыми связанными с ними культурно-историческими деталями, которые позволяют предположить, что они обладали большой ценностью и авторитетом. Торжественник МДА имеет выходные данные, где говорится о том, что рукопись была написана в Троице-Сергиевом монастыре с 1 сентября 1497 по 31 августа 1499 года рукою некоего «многогрешнаго, худейшаго раба Божия Кости диячишки Дмитриева сына». На лл. 1–3 находим запись-скрепу: «книга Троицкая Сергиева монастыря, а дал ее Архиепископ Серапион Новгородский, а ныне послали сию книгу в монастырь Сергиев на Москву на Богоявление, на время, а подписал келарь Андреян». Запись выполнена скорописью XVI в. Имеются все основания приписать ее Адриану Ангелову, келарю Троице-Сергиева монастыря в 1550–1560-х гг. Из многочисленных упоминаний старца Адриана в документах XVI в. становится ясным, что он принимал деятельное участие в жизни монастыря и его московского подворья, делал многочисленные вклады в их книжные собрания, распоряжался о переписывании новых книг. Троицкое подворье в Москве, которое с середины XVI в. и по сей день называют Богоявленским монастырем, располагается в непосредственной близости от Кремля. Можно предположить, что рассматриваемая рукопись, посланная «на Богоявление, на время», почти век спустя – в период подготовки к печати Сборника – могла все еще

²⁸ Далее: Торжественник МДА.

²⁹ Далее: Соловецкий Торжественник.

находиться в Москве, или же быть снова извлеченной из монастырской библиотеки. Таким образом, ряд Слов в Соборнике мог быть взят коллективом справщиков именно из этой рукописи.

Соловецкий Торжественник датирован концом XV века. На I форзацном листе рукописи находим запись: «Сию книгу дал в Соловки г(осу)д(а)рь ц(а)рь и великий князь Иван Васильевич Всея Руси» (черные чернила, полуустав XVI в.). Известно, что Иван IV Васильевич заботился о книжной справе, и факт вложения им этой рукописи в монастырь говорит о том, что ее, по всей видимости, составляют «исправные» тексты.

Сравнительный анализ Соборника и типологически близких четких сборников триодного типа, таких как Торжественник, Рай и Златоуст показал наличие между ними генетических связей, которые притом позволяют считать Соборник особым этапом в литературной эволюции триодных сборников. Изданию Соборника предшествовала тщательная работа справщиков, что отразилось на его составе.

Глава 3. «Историко-культурный и литературный контекст» посвящена около- и экстралитературным факторам, оказавшим влияние на сборник и способным, в свою очередь, выявить некоторые его специфические литературные аспекты.

В разделе **3.1. «Справщики Московского Печатного двора в 40-х годах XVII века»** рассмотрена обстановка на Московском Печатном дворе в указанный период и предпринята попытка очертить круг лиц, которые могли быть вовлечены в подготовку исследуемого издания и которые составили его литературный и исторический контекст.

В 40-х гг. XVII в. число работников Московского Печатного двора довольно велико. Это связано с расширением масштаба книгопроизводства: в предыдущие десятилетия, несмотря на пожары и моры, типография бурно развивалась, для Печатного двора было выстроено новое двухэтажное каменное здание, умножено оборудование; был учрежден Печатный приказ, Правильная палата. Эта информация основана главным образом на записях в Приходно-расходных книгах Печатного двора о выдаче жалованья, о приеме на работу или «увольнении» (за пьянство, за нерадивость и др.): рядом с именем указывалась, как правило, и должность. Необходимо учесть, что существовала практика вызова из монастырей – центров книжности – необходимых, по мнению «кураторов» определенного издания, так что данные Приходно-расходных книг могут быть неполными. Соборник печатался с 1 марта по 29 июня 1647 г. Мы выделили ряд справщиков, находившихся в числе сотрудников Печатного двора в этот и в предшествующие годы, когда, по-видимому, велась работа над его составлением. Это справщики Захар Афанасьев, Федор Семенов, Шестой (Шестак) Мартемьянов, старец Савватий, книжный чтец старец Авраамий.

В разделе **3.2. «Послесловие как голос редактора»** тщательно изучен текст, помещенный в конце сборника, и представляющий собой своеобразное историко-публицистическое сочинение. В разделе рассмотрены как художественные, так и некоторые формальные особенности послесловия. Авторская принадлежность его неизвестна, это может быть как оригинальное авторское, так и коллективное составное сочинение. Для простоты изложения мы будем говорить о некоем условном авторе (вероятно, из числа справщиков, подготовивших сборник к печати).

Автор преимущественно оперирует библейской фразеологией: текст буквально построен на библейском коде. В разделе рассмотрены, в числе прочего, механизмы цитации библейских текстов. Они используются не только как средство аргументации тех или иных событий, но как артефакт образно-поэтического мышления средневекового книжника. Особенно следует отметить использование неатрибутированных цитат, где «символическая составляющая в значительной степени подавляет индексальную составляющую»³⁰, и таким образом цитата не просто отсылает читателя к знакомым местам в библейских текстах, но служит средством углубления символической составляющей сочинения, обогащает его смысл.

Несмотря на отчетливую двухчастность послесловия, в художественном смысле оно выглядит единым целым. В повествовательном отношении переход от библейской истории к событиям недавней истории – не смена планов, но органическое продолжение хроники, осмысление современных событий в течении истории, осмысляющейся неразрывно с библейским подтекстом. Этот момент в сочинении является своего рода ключевым, наглядно демонстрирующим древние корни русской православной культуры.

В послесловии автор последовательно доказывает, что Соборник органично вписывается в исторический и литературный контекст эпохи, является естественным и необходимым элементом литературного процесса. Литература как бы сопутствует христианской истории, Соборник же – ценнейший, по словам автора, вклад в нее.

Раздел 3.3. «Двоестрочие из Соборника» состоит из двух частей, или подразделов. В нем рассматривается цикл из 67 виршевых произведений, дошедший до нас в рукописном сборнике из собрания Чудова монастыря № 57/359 (168). В рукописи он озаглавлен «Двоестрочие из Соборника». Они же опубликованы А.С. Орловым в труде «Сборники Златоуст и Торжественник» под заголовком «Торжественник в виршах». Существует и публикация 1989 года: в сборнике «Виршевая поэзия (первая половина XVII века)» они помещены в ряду произведений поэтов «приказной школы». В первом

³⁰ Кузьмина М.К. Функции библейских цитат в древнерусских преподобнических житиях XV–XVII вв.: дисс. ... канд. филол. Наук. М., 2015. С. 13.

подразделе **3.3.1. «Русское стихотворство 1-й половины XVII века в научных исследованиях»** прослеживается история зарождения и формирования книжной поэзии XVII века. Статус ранней книжной поэзии неоднозначен, несмотря на то, что русское книжное стихотворство XVII века в настоящее время является относительно тщательно исследованной областью. В частности, открытым остается вопрос о квалификации первых стихотворных опытов, зафиксированных в памятниках древнерусской книжности, а следовательно – об определении нижней хронологической границы процесса развития русской книжной поэзии. Эта проблема, а также неоднородность литературного материала диктуют необходимость адаптации применительно к нему литературоведческой терминологии: здесь значение термина «поэзия» и принципы классификации (в частности – жанровой) нуждаются в уточнении. Отчасти эту проблему решает введение терминов «стихотворство» и «жанровая форма».

Древнерусская книжность вплоть до Смутного времени традиционно считается почти исключительно прозаической. Общеизвестным является объяснение этого факта тем, что поэтические потребности обеспечивались фольклором и скоморошеством. Однако и в книжных произведениях встречаются некоторые отголоски и формально-стилистические устнопоэтические признаки; имеет место и непосредственное попадание фольклорного памятника в литературный оборот. Необходимо отметить и поэтический характер ряда литургических памятников, чья художественность не могла не повлиять на первых русских стихотворцев. Однако значительно более дискуссионным оказывается непосредственно исключительно многочисленный и разнообразный материал XVII века, когда поэтические опыты постепенно упрочиваются в литературной практике. Так, сформировалось два основных подхода, один из которых заключается в предположении о заимствовании из польско-украинской поэтической практики, другой – о самостоятельной эволюции русского стихотворства на основе предшествующих литературно-художественных и риторических традиций, то есть фактически выделение стиха из прозы³¹. Наиболее справедливым решением этого вопроса представляется предположение А.М. Панченко, который осуществил синтез означенных выше подходов и связал возникновение в первые годы XVII века поэзии с комплексным воздействием двух факторов: польско-украинского влияния и ухода фольклора из города, то есть внутренних потребностей московских читателей, нашедших замену народной лирике как в «высокой» книжной поэзии, так и в демократической поэзии и сатире, а также с расцветом в литературе XVI – начала XVII века тенденции ритмической организации прозы. Польскому влиянию исследователь приписывает и наличие «дворянского» сословия

³¹ Там же. С. 23.

поэтов, к которым можно причислить князей С. И. Шаховского, И. М. Катырева-Ростовского и И.А. Хворостинина.

Приказная школа поэтов хронологически оказывается самой ранней школой русского книжного стихотворства. Пик ее деятельности приходится на 30-40-е годы XVII века и тесно связан с Московским Печатным двором и книжной справой. В.К. Былинин и А.А. Илюшин, специалисты по ранней книжной поэзии, выделяют в особую группу поэтов-«провозвестников»: Ивана Фуникова, Федора Гозвинского, Авраамия Палицына, Антония Подольского, Евстратия, Ивана Шевелева-Наседку, Семена Шаховского, Ивана Хворостинина, Ивана Катырева-Ростовского, Федора Шелешпанского, Алексея Зюзина, Михаила Татищева и Бориса Репнина-Оболенского. Причины, препятствующие включению их в число поэтов приказной школы, заключаются главным образом во внелитературных факторах: хронологии (более раннем периоде творчества), происхождении (не принадлежности приказному сословию) или в том факте, что для автора предпочтительными были не стихотворные жанры и т. п.

Термин «приказная школа» ввел А.М. Панченко³², который в своих трудах предпринял комплексное исследование стихотворной культуры XVII века, значительное внимание уделяя начальным этапам ее развития. Происхождение термина связано с социальным статусом большинства авторов, которых исследователь причислил к этому направлению – принадлежностью к сословию приказных чиновников, главным образом из неродовитых семей. Панченко называет следующие имена принадлежащих к этой школе поэтов: инок Савватий, Алексей Романчуков, Михаил Злобин, Петр Самсонов, Иван (Шевелев) Наседка, Стефан Горчак, Тимофей Акундинов, инок Авраамий; по акростихам восставлены имена Нафанаила, Мартирия и Мардария; с некоторой долей условности к приказной школе относятся Михаил Рогов, Михаил Татищев и Семен Шаховской.

Необходимо отметить разницу подходов А.М. Панченко и В.К. Былинина в определении круга поэтов, принадлежащих приказной школе. Для А.М. Панченко решающим оказывается внелитературный фактор, заключающийся в личных связях поэтов, пересечениях их биографических путей, принадлежности к определенной группе (прежде всего речь идет о книжной справе). В.К. Былинин же опирается главным образом на особенности поэтики произведений – их композиционную организацию, жанровые характеристики, выбор определенного набора художественно-выразительных средств.

При этом необходимо помнить, что представление о значимости приказной школы поэтов и вообще о целесообразности выделения такой группы авторов не является

³² Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. С.42.

общепринятым. Так, Н. В. Марков³³ считает, что нет достаточных оснований говорить о наличии литературной школы в начале века. При этом в работе исследователя сделаны ценные наблюдения над ритмической структурой ранних стихотворных опытов книжников, что делает возможным его использование и сторонниками существования приказной школы поэтов. А.С. Демин в свою очередь противопоставляет раннюю книжную поэзию демократической сатире и литературным образцам проникновения фольклорного художественного метода в книжность. Исследователь рассматривает деятельность стихотворцев начала века как разрозненные, но тем не менее ценные для литературного процесса ростки новаторских тенденций³⁴.

Несомненно, при рассмотрении стихотворных текстов XVII века необходимо принимать во внимание специфику древнерусской художественности и литературных процессов, однако своеобразие древнерусской поэтической культуры не должно приводить к отказу от исследования ее с точки зрения поэтики. Отчасти эта проблема решена в диссертации О. А. Кузнецовой, где рассмотрены особенности художественного метода первых русских стихотворцев, а также проанализированы жанровые формы поэтических произведений XVII века.

Во втором подразделе **3.3.2. «"Двоестрочие из Соборника" и печатный сборник»** рассмотрены формальные и литературно-художественные особенности упомянутого виршевого цикла. Вирши в нем расположены в той же последовательности, что и сочинения в составе печатного Соборника 1647 года. Они как бы дублируют его структуру, являясь своеобразным стихотворным вариантом сборника³⁵.

Эти тексты нельзя назвать стихотворными произведениями в привычном смысле этого слова, поскольку в действительности они составлены из коротких цитат, или сентенций, изъятых из произведений в составе Соборника. Вирши значительно различаются между собой по объему – от двух строк до сотни с лишним, причем зависимости от объема тех произведений, извлечения из которых составляют текст, здесь не наблюдается, как и наличия какой-либо видимой системы, согласно которой автором были выбраны те или иные сентенции. «Цитаты» могут быть взяты непосредственно из святоотеческого текста, или могут представлять собой извлечение атрибутированной в тексте цитаты из Священного Писания, или же могут быть взяты из «Толкований»,

³³ Марков Н.В. Русский стих XVII века. (Материалы к характеристике развития) // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. 330 с.

³⁴ Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве. Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М.: Языки славянской культуры, 2003. 760 с.

³⁵ Без стихотворного варианта остались: статья № 38 (Иоанн Златоуст. Слово «о четверодневном Лазаре»), № 48 (Евсевий Самосадский. Слово «о сошествии Иоанна Предтечи во ад»), № 57 (Иоанн Златоуст. Слово «о страсти Христове и о положении во гроб»), № 59 (Епифаний Кипрский. Слово «о погребении тела Христова»).

которыми сопровождаются некоторые сочинения. Извлечения, как правило, сложены в двустушия. Иногда встречаются четырех- и более строчные извлечения, значительно реже – нечетное количество строк. Составляющие вирши «цитаты» из святоотеческих текстов в большинстве своем незначительно преобразованы в целях придания им бóльшей ритмичности: опущены фрагменты оригинального текста, изменен порядок слов. Встречаются и парафразы. В некоторых случаях опыты составителя виршей становятся слишком формальными и вредят смыслу текста, по меньшей мере затемняют его. Это отчетливо видно в последнем из приведенных примеров.

Отдельного упоминания заслуживает стихотворный текст «Кирила архиепископа Александрийского о исходе души от тела», в котором мы не находим ни одной цитаты из соответствующего произведения в составе Сборника. Объяснение этому, вероятно, следует искать прежде всего в том, что в Сборник была помещена непопулярная редакция Слова (с инципитом «Боюся смерти, яко горка ми есть...»): в каталоге гомилий Т.В. Черторицкой³⁶ она даже не упоминается. Таким образом, нельзя отказаться от предположения, что автор воспользовался другой редакцией текста.

Такой «монтаж» разрозненных отрывков из святоотеческих текстов – иногда в ущерб цельности и связности стихотворного произведения – по всей видимости предназначен был для выполнения функции напоминания: читая относительно небольшие вирши, читатель «припоминал» тексты, на протяжении веков находящиеся в репертуаре чтения и в коллективной памяти читателя. Это своеобразный конспект, «краткое содержание» печатного сборника.

Существует предположение, что «Двоестрочия» представляют собой стихотворные дополнения, которыми планировалось сопроводить каждое сочинение в издании³⁷. Виршевые предисловия к тому времени были уже освоены в украинской типографской практике (см., например, «Букварь» В. Бурцова 1637 г., «Кириллова книга» 1644 г., «Грамматика» Мелетия Смотрицкого 1648 г.). Однако, повторим, «Двоестрочия» нельзя назвать оригинальными поэтическими сочинениями, скорее они похожи на поэтический эксперимент, упражнение, проделанные на материале сборника. Не совсем ясно, какую функцию они могли бы выполнять, будучи включенными в состав Сборника – разве что, действительно, служить «кратким содержанием». В любом случае, для московского печатного дела, вероятно, такое новшество оказалось бы неприемлемым.

В **Заключении** диссертации обобщены результаты исследования и суммированы наблюдения над художественным своеобразием исследуемого памятника. Сборник был

³⁶ Черторицкая Т.В. Предварительный каталог.

³⁷ Вознесенский А.В. К истории славянской печатной Псалтири. С. 75.

создан в 40-х гг. XVII века с учетом книжной традиции предшествующих веков и выполнял таким образом функцию реактуализации литературной традиции триодных сборников: для него характерна композиционная и жанровая выверенность, достигнутая сочетанием характерных черт Торжественника (панегирика и полный охват триодного цикла), Златоуста (дидактика и полный охват цикла, не только праздничные дни), Рая (расширенный набор сочинений к чтению в Страстную неделю). Важно и то, что репертуар чтения на Неделю мясопустную и 1-ю Неделю поста расширен за счет сочинений на актуальные темы, а именно – эсхатология и почитание икон. Широкое распространение сборника в старообрядческой среде как в своем первоначальном виде, так и в качестве источника, является доказательством его универсальности и непреходящего значения для читателя. Все это позволяет говорить о Сборнике как особом элементе динамики литературного процесса.

Крупный, сложно организованный многотиражный сборник оказался чутким к волнениям эпохи, ведь «...реальная обстановка второй половины 1630-х – 1640-х годов разительно отличалась от успокоительных характеристик, даваемых писателями»³⁸. Действительно, несмотря на само содержание сборника, апеллирующее к древнейшим рукописным образцам, несмотря на несколько мечтательный тон автора послесловия, то и дело возникают тревожные напоминания о склонности человеческой «на злобу уклоняться». Будучи плодом изучения, сопоставления, «исправления» множества древних рукописей, он, тем не менее, отразил общественные настроения как на «макроуровне» (сборник), так и «микроуровне» (составляющие его элементы). Это позволяет по-новому взглянуть на специфику древнерусского сборника как литературной формы. «...Древнерусские сборники, и прежде всего четьи, должны рассматриваться как разнообразно организованные фрагменты литературного и книжного контекстов конкретной эпохи»³⁹.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК по специальности:

1. Исаханян А.Э. К вопросу о рукописных источниках Сборника 1647 г. //Modern Humanities Success. 2019. №. 4. С. 167–175.

³⁸ Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 420.

³⁹ Дергачева-Скоп Е.И. Средневековая русская книга и литература // Фокина О.Н. Литературная история «Повести о бражнике» и проблемы народной книги: Текст и контекст. Новосибирск, 1995. С. 9.

2. Исаханян А.Э. Соотношение концепций «Москва – третий Рим» и «Москва – новый Израиль» и их роль в послесловии к Соборнику 1647 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 122–127.

3. Исаханян А.Э. Слово Евсевия «О сошествии Иоанна Предтечи во ад»: краткая и пространная редакции. // Летняя школа по русской литературе. Т. 16. № 1, 2. СПб., 2020. С. 3–10.

Публикации в других изданиях:

4. Исаханян А.Э. Литературные источники Соборника 1647 года//Материалы 52-й Международной научной студенческой конференции МНСК–2014. 2014. С. 20.

5. Исаханян А.Э. Послесловие Соборника 1647 года как вспомогательный документ в исследовании его жанровой специфики //Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК–2016. 2016. С. 13–14.

6. Исаханян А.Э. О концептуальной роли цитат в послесловии к Соборнику 1647 года //МНСК–2017: Литературоведение. 2017. С. 14–16.